ОТСТАВНОЙ.

Полковой штабъ–лекарь

Подалякринскій вышелъ въ мундирѣ и при шпаженкѣ осматривать прибывшую въ полкъ партію рекрутъ. У него, на этотъ разъ, кромѣ должностной надобности при этомъ дѣлѣ, была и своя, семейная, а потому супруга его кричала ему вслѣдъ: «Смотри же, Иванъ Дмитріевичъ, порядочнаго выбери, чтобы не плакаться съ нимъ, доброхотнаго слышишь?»

Подалякринскій, вмѣсто отвѣта, кивнулъ только головою, махнулъ рукой и пошелъ своимъ путемъ. Онъ осматривалъ каждаго рекрута подъ двойнымъ взглядомъ, казеннымъ и частнымъ, и, наконецъ, остановился передъ однимъ, который повидимому обратилъ на себя особенное вниманіе опытнаго распознавателя душевныхъ качествъ человѣка, по наружнымъ признакамъ. Рекрутъ этотъ былъ средняго роста, плотноватъ, сутуловатъ и при томъ уже лѣтъ подъ–тридцать; непривычная короткая стрижка

придавала спокойному лицу его простоватый видъ, но штабъ–лекарь прочиталъ въ сѣрыхъ глазахъ его именно столько толковитости, сколько нужно было, по его мнѣнію, для того предназначенія, которое готовилось избираемому. Есть должности, обязанности и порученія, при которыхъ лишній участокъ ума дѣлается именно лишнимъ. Всякому изъ насъ случалось, вѣроятно, разъ другой, на неумѣстное возраженіе или оправданіе: «Я думалъ», отвѣчать: «думаютъ индѣйскіе пѣтухи, да такіе дураки какъ ты». Часто приходится говорить, въ отвѣтъ на умничанье исполнителя приказаній: «Не дѣлай своего, хорошаго, а дѣлай мое худое». Штабъ–лекарь отступилъ отъ него на шагъ, зорко на него посмотрѣлъ, приподнялъ пальцемъ голову его за подбородокъ и спросилъ: Какъ прозываешься? — Астафьевъ, ваше благородіе. — Костромской? — Костромской. — Изъ господскихъ? — Изъ господскихъ. — За что зданъ? — Ни за что, кому нибудь надо было итти. — Какъ ни за

что? дѣло прошлое, говори правду! — Я сударь и говорю правду: вотчина наша небольшая, молодые ребята что–то мелки, а я, хоть и женатый, да бездѣтный, полуодинокій, ктомужъ еще хозяйка изнемоглась, хвораетъ, тягла не тянули, меня и отдали. — А не хочешь ли ко мнѣ въ деньщики? — Власть начальничья; говорится: на службу не напрашивайся, а отъ службы не отказывайся. — Однако, хочешь, что ли? — Не знаю — казалось бы, что хотѣлось послужить царю вмѣстѣ съ ребятами, то есть съ ружьемъ; люди служатъ, до чего нибудь дослуживаются. — Ну, какъ знаешь, Астафьевъ, служи и во фронтѣ, сказалъ штабъ–лекарь и пошелъ дальше: — я противъ воли не возьму.

— Ну что, выбралъ? спросила штабъ–лекарша своего мужа, когда онъ воротился домой. Выбралъ отвѣчалъ этотъ, да не совсѣмъ понутру себѣ — однако годящій кажется. Чтожъ такъ? спросила штабъ–лекарша, яжъ тебѣ говорила... И самъ бы, матушка, догадался, да я одного только и нашелъ, изъ невидныхъ собой, то есть

малоспособныхъ, который былъ бы хорошъ, такъ что–то не захотѣлось ему въ деньщики, до чего–то хочется ему дослужиться; пусть попробуетъ, на что мѣшать — противъ воли, Богъ съ нимъ, не возьму.

Съ этого времени прошло года два, три, и штабъ–лекарь, обходя свой полковой лазаретъ, остановился передъ солдатомъ, который уже дня три числился только слабымъ, то есть былъ на выходѣ; на дощечкѣ написано было, у этого больнаго Febris rheumatica и фельдшеръ снялъ уже со стойки скорбный листъ, чтобы отмѣтить, по приказанію врача, sanus, и выписать служиваго въ роту. Ну, что, совсѣмъ что ли, Астафьевъ? спросилъ штабъ–лекарь. Совсѣмъ, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ тотъ, научившись уже чествовать штабъ–лекаря по чину — и въ отвѣтъ на приказаніе его: Ну, такъ съ Богомъ, маршъ, — сказалъ, что желаетъ переговорить съ нимъ. Подалякринскій вызвалъ его за собою глазъ–на–глазъ. — Ну, что скажешь Астафьевъ? — Да что, Иванъ Дмитріевичъ,

началъ тотъ нѣсколько вкрадчивымъ голосомъ — когда вотъ только привели меня съ партіей, то вы было изволили, по милости своей, то есть хотѣли взять меня въ деньщики; тогда мало ли что у человѣка бродитъ въ головѣ — вы по милости своей, и отказались; а теперь — что же мнѣ больше дѣлать — годы мои уже не то чтобы совсѣмъ молодые, бѣда надо мною встряслась, и самъ я виноватъ тому — только вы уже не изволите сомнѣваться во мнѣ, ваше высокоблагородіе, что слуга бы я вамъ былъ вѣрный.

Бѣда, которая встряслась надъ Астафьевымъ, и въ которой онъ самъ съ раскаяньемъ винился, состояла въ томъ, что онъ попалъ подъ штрафъ и что по этому нѣсколько лѣтъ службы его пропало. Къ нему пріѣхалъ какой–то землякъ и Астафьевъ, человѣкъ трезвый и даже вовсе не пьющій, напился пьянъ, или его землякъ напоилъ, все равно, и притомъ напился не только въ караулѣ, но даже на часахъ, гдѣ на бѣду и уснулъ. По этому несчастному случаю, онъ отданъ былъ подъ военный

судъ. Во все продолженіе дѣла бѣднякъ горько каялся и денно и нощно зарекался, не брать во всю свою жизнь ни капли водки въ ротъ; все это хорошо было для будущаго времени, но за прошедшее онъ, не менѣе того поплатился. Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго нами разговора, Астафьевъ назначенъ былъ въ деньщики къ штабъ–лекарю, который поздравлялъ съ этимъ радостнымъ домашнимъ событіемъ все свое семейство — и, какъ послѣдствія показали не ошибся.

У Подалякринскаго была большая семья и кромѣ семи или осьми дѣтей, еще двѣ подростки свояченицы и племянничекъ. Это были полусироты и бѣдняжки, взятыя имъ на свое попеченіе. Между тѣмъ доходы штабъ–лекаря были до того ограничены, что нужна была большая сноровка, привычка терпѣть нужду и крайне умѣренныя потребности, для достиженія самой возможности изворотиться данными на долю его средствами. Прибавимъ еще, что хозяйка его была женщина добрая, но что едвали не однимъ этимъ, весьма

похвальнымъ свойствомъ, ограничивались всѣ доблестныя качества ея. Въ ней не бывало и слѣду того, чего мы вправѣ требовать отъ хозяйки дома: толковой бережливости, строгаго порядка, опрятности, любви къ труду, распорядительной заботливости.... Нѣтъ, объ этомъ въ родительскомъ домѣ, гдѣ — не скажу воспитывалась, но по крайней–мѣрѣ гдѣ выросла Анна Ивановна, не могли ей дать и не дали никакого, ни даже отдаленнѣйшаго понятія; а своимъ умомъ, не дошла она ниже до тѣни понятія объ этомъ. Мудрено и конечно не справедливо было бы, послѣ этого, винить ее за то, что было ей также чуждо, какъ, напримѣръ, вамъ какой–нибудь варварскій обычай новозеландцевъ, о которомъ вы даже можетъ быть и не слыхивали; это было бы тоже, что обвинять человѣка и охуждать его, за то, что природа не дала ему обонянія, что онъ не въ состояніи отличить запахъ фіалки и розы отъ запаха клопа и скипидара; чѣмъ онъ виноватъ, когда, понюхавъ со всѣмъ усердіемъ и того и

другаго и третьяго, не слышитъ ровно ни чего, и говоритъ о запахѣ и обоняніи только по наслышкѣ? Не менѣе того все огромное семейство ея, не исключая и самого почтеннаго Ивана Дмитріевича, сильно страдали и иногда чуть не погибали, подъ гнетомъ этого незамѣчаемаго ею самою недостатка. Относительно образа мыслей Анны Ивановны о воспитаніи дѣтей — обстоятельства также не совсѣмъ маловажнаго, — трудно сказать что нибудь, потому что у нея не было рѣшительно никакого объ этомъ образѣ мыслей, ни даже вообще мыслей, и безъ образа. День шелъ за днемъ, дѣти плодились у нея и размножались, она сама кормила ихъ грудью и сдавала нянькѣ или деньщику, исправлявшему должность пѣстуна; она прогоняла ихъ, когда они кричали и шумѣли, кормила лакомствомъ, когда оно было въ домѣ и когда сама была въ духѣ, но за то, иногда, не давала имъ даже и голоднымъ хлѣба, когда они ей надоѣдали; она одѣвала ихъ въ разные лоскутья, какъ случалось, или предоставляла заботу о

прикрытіи природной наготы ихъ любому изъ чрезвычайно безтолковой прислуги своей; словомъ, все это дѣлалось, какъ было угодно судьбѣ и случаю. Что такое нравственное образованіе — объ этомъ бѣдная Анна Ивановна и не слыхивала и во снѣ ничего не видывала, кромѣ развѣ того только, что надо–бъ было, какъ знала она по темному преданію, учить дѣтей; но и тутъ она утѣшала себя и другихъ тѣмъ, что держать учителей было ей неначто, да и не было ихъ почти по деревнямъ и городишкамъ, гдѣ они кочевали. Анна Ивановна, какъ вы изъ всего этого видѣте, много измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ покинула родительскій домъ, и стала на себя непохожа, для тѣхъ, кто знавалъ ее молоденькой дѣвочкой, и за это, конечно, винить ее нельзя, потому что женщина ея лѣтъ никогда не можетъ походить на дѣвочку. Но перемѣна эта бываетъ не одинакова: здѣсь состояла она только въ огрубѣніи, очерствеціи въ тѣсной связи и дружбѣ съ неряшествомъ, словомъ, въ привычкѣ ко всему дурному, къ чему

можетъ пріучить недостатокъ, природная безтолочь, беззаботность и кочевая военная жизнь. Иванъ Дмитріевичъ, будучи весь день занятъ по службѣ, а по вечерамъ копеечнымъ бостономъ, знать не зналъ и вѣдать не вѣдалъ ни чего о томъ, что происходило у него въ домѣ и хозяйствѣ. Иногда, правда, когда ему случалось заглянуть у себя за кулисы, когда онъ слышалъ съ утра крикъ и ревъ дѣтей на разныя голоса, видѣлъ ихъ въ грязи и въ рубищахъ, заѣденныхъ насѣкомыми, и прочее — когда онъ видѣлъ все это, то надѣвалъ на себя поспѣшно сюртукъ и уходилъ со двора, въ лазаретъ свой или къ кому нибудь изъ больныхъ или здоровыхъ офицеровъ. Лучшаго средства для поправки дѣла онъ не могъ придумать.

При такомъ положеніи дѣлъ, конечно, человѣкъ какъ Астафьевъ былъ истинной находкой. Не долго приживался и пріурочивался онъ къ дому новаго господина своего, какъ освоился со всѣмъ домашнимъ бытомъ и мало по малу овладѣлъ всѣмъ хозяйствомъ и самымъ

даже воспитаніемъ дѣтей. Онъ сдѣлался прачкой и сталъ мыть бѣлье, сымая его съ господъ и съ дѣтей ихъ по своему усмотрѣнію; онъ же сдѣлался швеей, чинилъ бѣлье это и клалъ заплатки — чего, до него, въ домѣ Подалякринскаго почти и не знали: бѣлье донашивалось и разваливалось у всякаго на своихъ плечахъ. Вы спросите, гдѣ же онъ самъ выучился шить и мыть, будучи взятъ изъ крестьянъ? Нужда мудрена; сурово не бѣлье, — свое рукодѣлье, а прослуживъ нѣсколько лѣтъ солдатомъ, нельзя было ему не сдѣлаться и швеей, и портнымъ, и сапожникомъ, и поваромъ, и прачкой. Астафьевъ мало по малу настоялъ даже на томъ, что было заведено нѣсколько перемѣнъ бѣлья, предложивъ сшить хотя миткалевыя рубашки, коли полотняныя дороги, и это новое изобрѣтеніе чрезвычайно понравилось Аннѣ Ивановнѣ и пошло въ ходъ. Онъ штопалъ чулки и носки, научившись этому наглядно еще дома, отъ сестры своей, которая жила когда–то въ господскомъ дворѣ; онъ мылъ и купалъ

дѣтей, чесалъ и одѣвалъ ихъ, заплеталъ барышнямъ косы, уговаривая большенькихъ, по мѣрѣ того, какъ онѣ подростали, привыкать къ уходу около себя самимъ. Наставленія эти онъ приправлялъ примѣрами и наглядными доводами изъ житейскаго быта всѣхъ сословій и разсказы его слушались охотно. Впрочемъ, когда старшія были уже подросточками, то одѣвшись кой–какъ наскоро, все–таки выбѣгали иногда на крылечко и перекликались на кухню съ Астафьевымъ, упрашивая его завязать или застегнуть имъ платье. Тогда вѣрный слуга, прачка, горничная, кучеръ и поваръ, покидалъ на время поваренный ножъ, уполовникъ или скалку — если пекъ пироги, и исполнялъ порученія барышни, заставляя ее въ этомъ критическомъ положеніи выслушивать добрые совѣты и наставленія. Замѣтимъ, что женской прислуги въ это время вовсе не было въ домѣ Подалякринскаго: своя дѣвка давно уже сбѣжала у Анны Ивановны, еще когда они стояли въ херсонской губерніи, гдѣ побѣги эти были въ общемъ обычаѣ, а

нанять сколько нибудь годную, въ тѣхъ мѣстахъ, очень трудно, да притомъ для этого необходимы деньги, которыхъ въ наличности никогда не бывало. Астафьевъ завелъ въ домѣ половыя щетки, которыя дѣлалъ самъ, а до приходу его ихъ не было тутъ и въ заводѣ. Астафьевъ пріучилъ барыню прибирать изъ подъ–рукъ ворохи всякой всячины, обмѣтать иногда пыль, держать чистое бѣлье отдѣльно отъ чернаго, и по немногу почти отъучилъ ее забирать въ долгъ съѣстные припасы, увидѣвъ въ самое короткое время, что это дѣлалось отъ одного только безпорядка и что за безпорядокъ этотъ всегда приходилось расплачиваться вдвое. Завтрашнимъ днемъ не проживешь, сударыня, говаривалъ онъ, — надо жить вчерашнимъ.

Вы спросите, можетъ–быть, какъ Астафьевъ могъ всего этого достигнуть? А напримѣръ вотъ какъ: все, что онъ могъ и умѣлъ сдѣлать самъ — а вы видѣли, что онъ изворачивался способностями своими не дурно — то онъ дѣлалъ, и дѣлалъ всегда

молча, не откладывая и не докучая никому; всего чего онъ требовалъ отъ барыни, достигалъ онъ исподволь терпѣніемъ, убѣжденіемъ и спокойною настойчивостію. «Вы бы, сударыня Анна Ивановна, принялись бы помаленьку на барышень по рубашечкѣ сшить; оно бы и расходъ вышелъ незамѣтный, и вамъ бы, то есть, не тяжело, а все бы дѣло–то спорилось». Анна Ивановна, какъ очень добрая женщина, не перечила Астафьеву; въ этомъ ей дѣйствительно, казалось, нужны были только добрый совѣтъ и нѣкоторое понужденіе; если же Астафьевъ и затѣмъ видѣлъ, какъ это иногда случалось, что Анна Ивановна по прежнему бродила отъ скуки изъ угла въ уголъ, а дѣло не дѣлалось, то онъ, подкарауливъ время, когда зналъ, что деньжонки были въ домѣ налицо, приходилъ къ барину и говорилъ сухо: «Пожалуйте денегъ, Иванъ Дмитріевичъ, надо купить миткалю». — На что? — Да на рубашечки, дѣтямъ, да и барышнямъ то–жъ». И Иванъ Дмитріевичъ, ввѣрившись разъ Астафьеву и видя что

хозяйство идетъ у него ни чуть не хуже, а напротивъ глаже, спокойнѣе и исправнѣе прежняго, отдавалъ ему нѣсколько цѣлковыхъ, предоставляя ими распоряжаться и ладить съ барыней. Астафьевъ покупалъ миткаль, приносилъ его барынѣ и говорилъ также спокойно: «Вотъ сударыня, извольте–ко скроить, хоть по одной на каждаго, а на Машеньку пожалуй хоть двѣ, прибавилъ онъ однажды, покосившись на вторую свояченицу Ивана Дмитріевича, ей ужъ и надѣть нечего; чинишь, чинишь, инно въ рукахъ разваливается, а скроивъ да помаленьку и сошьете, авось вотъ помогутъ вамъ и Катерина Ивановна и Марья Ивановна», то есть сестры ея. Подобными настояніями, Астафьевъ наконецъ достигалъ чего хотѣлъ, и всѣ въ домѣ привыкли слушаться его и ничего не дѣлали безъ его совѣта. Астафьевъ мало по малу получилъ такой вѣсъ и значеніе въ домѣ штабъ–лекаря, что онъ даже — какъ ни смѣшно сказать это — лечилъ дѣтей, когда они хворали, совѣтуя, поить ли ихъ бузиной или ромашкой, класть

ли сухія или мокрыя припарки, — и самъ Иванъ Дмитріевичъ, которому очень тяжело и хлопотно было пользовать своихъ дѣтей, спорить объ этомъ съ Анной Ивановной и наблюдать за исполненіемъ, Иванъ Дмитріевичъ молча предоставлялъ Астафьеву распоряжаться домашними средствами, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Астафьевъ вылечилъ очень удачно одного изъ дѣтей его калиновыми побѣгами отъ золотухи.

Видя такую удачу, Астафьевъ пошелъ еще дальше въ преобразованіяхъ своихъ и дошелъ до роскоши: онъ сталъ уже требовать миткальцу на простыньки. До прихода его, одно только супружеское ложе Ивана Дмитріевича и Анны Ивановны пользовалось такимъ преимуществомъ: тамъ если не всегда, то покрайней–мѣрѣ обыкновенно, стлали простыню, но разумѣется одну только нижнюю, потому что о верхней никто изъ чадъ и домочадцевъ Ивана Дмитріевича, не исключая даже и самаго Астафьева, не слыхивали; за тѣмъ, всѣ прочіе семьяне

спали въ повалку, гдѣ Богъ приведетъ, и укрывались тѣмъ, что случилось подъ рукой. Астафьевъ, во–первыхъ, помирилъ барышень разъ навсегда, раздѣливъ между ними, силою данной ему власти, всѣ салопы, капотцы и тулупчики, чтобы не было впредь каждый вечеръ снова ссоры о томъ, кому чѣмъ укрываться; и во–вторыхъ, онъ мало по малу построилъ, на каждаго и каждую по простынѣ, для перемѣны, и даже, впослѣдствіи, по одѣяльцу; онъ завелъ въ домѣ нѣсколько сундуковъ, домашней полковой работы, куда сложено было бѣлье и лишнее платье, между тѣмъ какъ подушки и одѣяла складывались на день на тѣ же сундуки; и онъ же, наконецъ, настаивалъ, въ свое время, чтобы начать учить грамотѣ ребенка, когда ему исполнялось семь лѣтъ, докучая Ивану Дмитріевичу день за день, чтобы онъ выпросилъ для этого у адъютанта одного изъ писарей. Замѣтимъ, что самъ Астафьевъ былъ не грамотенъ; но онъ не менѣе того наблюдалъ за ученьемъ и дѣлалъ свои замѣчанія.

Я упомянулъ уже, что Астафьевъ терпѣть не могъ забирать припасы въ долгъ, какъ потому, что они всегда отъ этого становились дороже, такъ и потому, что онъ, по мирному расположенію своему, страхъ не любилъ, какъ онъ выражался, собачиться съ жидами, лавочниками, и перекупщиками, а безъ этого, при продолжительномъ заборѣ и неисправной уплатѣ, конечно не обходилось. Послѣ долгихъ, но тщетныхъ покушеній замѣнить этотъ обычный хозяйственный порядокъ — или безпорядокъ — другимъ, Астафьевъ наконецъ поступилъ такъ: подстерегши Ивана Дмитріевича, возвращавшагося съ жалованьемъ въ карманѣ, Астафьевъ присталъ къ нему на крыльцѣ и проводивъ его до кабинета, или комнаты, носившей названіе это, хотя въ ней и спали свояченицы его, а иногда и гладили бѣлье, да сверхъ того висѣли по стѣнамъ небольшіе запасы луку, въ плетеницахъ, а въ углу лежала качанная капуста — но это для насъ теперь дѣло постороннее, — проводивъ Ивана Дмитріевича туда,

Астафьевъ досталъ изъ кармана ключикъ, подобранный и припасенный имъ нарочно для этого случая, отперъ ящикъ въ столѣ и началъ убѣждать штабъ–лекаря, безъ обиняковъ, положить въ столъ деньги, увѣряя, что онѣ тамъ цѣлѣе будутъ; онъ, довольно сухо, но убѣдительно, прибавилъ къ этому, что еще много кой–о–чемъ надо подумать, а въ особенности необходимо уплатить должишки, потому что уже въ заборъ не даютъ больше, а только бранятся, — а тамъ, не надо больше забирать на счетъ, сказалъ рѣшительно Астафьевъ, а станемъ брать на деньги, гдѣ посходнѣе, такъ не будемъ больше и кланяться имъ, собакамъ, а еще они намъ покланяются: это дѣло будетъ лучше. Иванъ Дмитріевичъ, котораго, правду сказать, принятый порядокъ домашняго хозяйства, а въ особенности долги частенько доводили до отчаянія, — возразилъ на это съ нерѣшимостію, что по ограниченности доходовъ нельзя обойтись безъ долговъ и заборовъ; но Астафьевъ отвѣчалъ очень положительно и просто:

«вы, сударь, такъ совсѣмъ пропадете, ей Богу пропадете; вотъ что; надо протягивать ножки по одежкѣ; а что напередъ платить деньги, что послѣ, — все одно, неминовать платить, только что лишнихъ возьмутъ съ васъ по полтинѣ на рубль, вотъ и все. Ужь лучше, Иванъ Дмитріевичъ, вы меня послушайтесь: вотъ извольте денежки положить въ столь, не бойтесь, цѣлы будутъ, я не возьму ни гроша, мнѣ вашего не надо».

Захваченный такимъ образомъ врасплохъ и озадаченный слишкомъ очевидными доводами Астафьева, штабъ–лекарь положилъ деньги въ столь, Астафьевъ заперъ его и сунувъ ключъ въ карманъ проворчалъ только: «вотъ такъ оно дѣло–то чище будетъ». И съ этихъ поръ, онъ сдѣлался въ домѣ также казначеемъ и расходчикомъ: онъ велъ дѣла свои такъ хорошо и умѣлъ всегда такъ кстати выказать никѣмъ неожидаемую наличность, сбереженную имъ копѣйку, въ такое время, когда голодъ угрожалъ всей семьѣ, что вскорѣ всѣ привыкли къ этой новой

должности Астафьева и ее никто у него не оспаривалъ. Не рѣдко, правда, барыня ссорилась съ нимъ, требуя какихъ нибудь прихотливыхъ, несбыточныхъ расходовъ, безъ всякаго соображенія и разсчета, — упрекала его даже иногда въ дурномъ хозяйствѣ, — но Астафьевъ, опираясь на чистую совѣсть свою, отвѣчалъ преспокойно, на первое, что этого никакъ нельзя и не нужно и что на это денегъ нѣтъ; а на второе, что онъ отдаетъ отчетъ, и барину и барынѣ, въ каждой копѣйкѣ, — что онъ Бога боится и что ему чужаго не надо, — и вслѣдъ затѣмъ, повыставивъ одну ногу, уставивъ глаза на поднятые пять пальцевъ лѣвой руки и перебирая ихъ указательнымъ перстомъ правой руки, Астафьевъ начиналъ высчитывать по пальцамъ всѣ расходы, до самыхъ мелочныхъ, мѣсяца за два или за три назадъ: грамотѣ онъ не зналъ, но помнилъ все наизусть. Этимъ разговоръ оканчивался, потому что у Анны Ивановны никогда недоставало терпѣнія, выслушать разсчетъ этотъ до конца, а Астафьева

нельзя было сбить или остановить ничѣмъ, онъ продолжалъ счетъ свой, пока не подводилъ итога, — и дѣло оставалось при старомъ порядкѣ. Иванъ Дмитріевичъ, глядя на все это, былъ очень счастливъ, что могъ адресовать супругу свою, по случаю каждаго казначейскаго требованія, къ Астафьеву; предоставляя ему раздѣлываться, какъ знаетъ, Подалякринскій убирался втихомолку въ свою комнату или даже, смотря по обстоятельствамъ, уходилъ со двора, а Анна Ивановна, по добродушію своему и слабости нрава, не только никогда не была въ силахъ, настоять на требованіи своемъ, противъ расходчика своего и казначея, но даже не умѣла путемъ съ нимъ побраниться. Наконецъ Астафьевъ, съ своей стороны, перенесши съ невозмутимымъ спокойствіемъ духа всѣ нападки и упреки, умѣя кстати смолчать и во время молвить словечко, задобривалъ гнѣвную Анну Ивановну или награждалъ добронравную и послушную, вовсе неожиданнымъ фунтикомъ сахару или

четверткою чаю: и миръ заключался при общихъ радостныхъ кликахъ всей семьи. Тогда онъ, стоя почтительно у дверей, смѣло и свободно читалъ наставленія свои и дѣлалъ нужныя впередъ распоряженія.

Дѣти, въ особенности барышни, пріучались по немногу быть помощниками Астафьева по хозяйству; онъ выучилъ ихъ не только шить и вязать, но даже плести простыя корзины и вязать щетки. Бывали въ теченіи многихъ лѣтъ службы Астафьева у штабъ–лекаря, и такіе случаи, что ограниченныхъ доходовъ со всѣми натяжками недоставало на пропитаніе огромной семьи, особенно если безрасчетливая прихоть или неожиданный значительный расходъ внезапно поглощали мѣсячное жалованіе; тогда Астафьевъ приходилъ скромненько къ отчаянному барину и, занесши руку на затылокъ, — вольность, къ которой онъ, по старой привычкѣ, возвращался иногда, съ тѣхъ поръ какъ попалъ въ нестроевую силу, — просился у Ивана Дмитріевича въ городъ. За чѣмъ? — Да надо бы вотъ исправить кое

что по хозяйству. — Да что же такое, Астафьевъ — какое теперь хозяйство, у насъ мѣднаго гроша нѣтъ въ домѣ! — То–то, сударь, я за этимъ–то и говорю, что надо побывать въ городѣ, добыть то есть деньжонокъ. — Гдѣ же ты добудешь? — Да у меня, признаться, десятокъ другой щетокъ есть заготовлено, такъ онѣ, себѣ, завалялись какъ–то, такъ я съ ними–то и пошелъ бы; все что нибудь можно выручить.... все–таки лучше, чѣмъ въ долгъ гдѣ искать да кланяться.... свое добро надежнѣе чужаго.... вотъ до перваго числа пробиться, только.... И Астафьевъ уходилъ въ городъ, навьюченный щетками, которыя онъ вязалъ изъ щетины, выхваченной тутъ и тамъ, урывками, изъ хребта вольношатающейся по селу свиньи. «Щетинка выростетъ скоро, говорилъ онъ, а гривенничекъ–то въ карманѣ». Изъ города–жъ онъ возвращался, навьюченный нужнѣйшими припасами и никогда не забывалъ принести барышнямъ грошовый гостинецъ.

Годы шли однообразно за годами, барышни росли не по днямъ, по часамъ, свояченицы заневѣстились и вотъ, къ старшенькой наклюнулся женишокъ. Тутъ–то посмотрѣли бъ вы какъ Астафьевъ обо всемъ заботился, какъ онъ разсуждалъ въ семейномъ совѣтѣ объ этомъ дѣлѣ, какъ онъ, черезъ добрыхъ людей — старыхъ, надежныхъ солдатъ, писарей и черезъ жену каптенармуса — разузнавалъ: каковъ онъ, женихъ этотъ и годится ли онъ для нихъ? Какъ онъ, забравъ удовлетворительныя справки и свѣдѣнія, объявилъ Аннѣ Ивановнѣ, что за этого человѣка Марью Ивановну отдать можно, и съ какимъ усердіемъ наконецъ онъ снаряжалъ невѣсту.... Прочіе дѣти у него же на рукахъ росли и зрѣли; чрезъ годъ или два тѣ же заботы: просватали и другую свояченицу; тамъ стали пристраивать сыновей; одного отправили въ корпусъ, съ попутчикомъ, знакомымъ офицеромъ; другаго, который вышелъ изъ лѣтъ для этого, записали въ юнкера; за тѣмъ пришелъ, исподволь, чередъ дочерей, которымъ казалось и

конца не было, такъ быстро одна вслѣдъ за другою подростали, выкормленныя и выхоленныя пѣстуномъ своимъ, Астафьевымъ! И ни одна изъ нихъ не засидѣлась, не смотря на бѣдность безприданную, на красоту ихъ средней руки и другіе, болѣе или менѣе общіе всему человѣчеству недостатки, и не смотря на то, что онѣ росли, какъ груздики въ лѣсу, по волѣ Божьей и Астафьева.... И если Астафьевъ, на основаніи собранныхъ имъ свѣдѣній, говорилъ: «Власть ваша, сударыня, а этотъ женихъ намъ не рука, за него не отдавайте, онъ съ жены послѣднюю рубаху пропьетъ», то жениху этому отказывали, и дочери Подалякринскаго безъ всякаго сомнѣнія обязаны были Астафьеву за то, что ихъ не утопили за пьяницъ, буяновъ и разнаго рода негодяевъ, которыхъ, какъ извѣстно, вездѣ довольно; а всякому извѣстно, что свѣдѣнія о подноготной, о домашней жизни и обычаяхъ человѣка, гораздо легче и вѣрнѣе собираются именно тѣмъ путемъ, который

былъ гораздо доступнѣе Астафьеву, чѣмъ отцу и матери невѣсты.

По мѣрѣ того, какъ семейство Подалякринскаго оперялось и выпархивало изъ гнѣздышка своего, для быта и жизни Астафьева, называемаго съ того времени какъ онъ началъ старѣться, Дмитричемъ, — также настала иная и новая полоса. Ему надо было заботиться также объ отсутствующихъ, а между тѣмъ переписка по почтѣ требовала съ той и другой стороны нѣсколько лишнихъ гривенниковъ, а въ залишкѣ ихъ ни тутъ, ни тамъ не бывало; кромѣ того, надо сказать правду, вся семья штабъ–лекаря, за исключенiемъ развѣ его самаго только и сына, воспитаннаго въ корпусѣ, была малограмотна или по крайней мѣрѣ до того не привычна къ письму и къ почтовой перепискѣ, что рѣдко и съ трудомъ только рѣшалась на такую мѣру. Проходили не только мѣсяцы, но и годы, въ теченiи коихъ родители — а съ ними и Дмитричъ — получали вѣсточку отъ дѣтей и посылали обратно, не иначе какъ по случаю прибытiя какого нибудь

офицера, переведеннаго изъ одного полка въ другой или проѣзжающаго по какому либо случаю чрезъ мѣста расположенія двухъ родственныхъ полковъ.

Такъ какъ и свояченицы и дочери Ивана Дмитріевича выданы были за поручиковъ, лекарей и аудиторовъ одного и того же корпуса, гдѣ также служили оба сына его и онъ самъ, то вся семья и была раскинута на пространствѣ двухъ или трехъ губерній. Обстоятельство это, заставившее Астафьева изучить нѣсколько географію того края, подало ему новую мысль: слѣдя за переходами Марьи Ивановны, Катерины Ивановны, другой Марьи Ивановны, т. е. свояченицы и дочери и прочихъ онъ чертилъ въ раздумьи дорожки по песку, совѣтовался съ бывалыми солдатами и расчитывалъ версты. Наконецъ, надумавшись, онъ пришелъ къ барынѣ, занесъ руку на затылокъ и сказалъ: «о чемъ, сударыня, я хотѣлъ вамъ доложить».... Ну, о чемъ же, Дмитричъ? «А вотъ на счетъ того, что благодаря Бога, то есть далъ Богъ пристроить намъ

благополучно всѣхъ господъ, и барышень, кромѣ только вотъ Наденьки — ну, она мала еще, а Господь и ее не оставитъ — пуще всего, надо молиться — а вотъ я ужъ сколько лѣтъ теперь не видался съ ними, особенно съ Марьей Ивановной старшенькой (т. е. свояченицей), да съ Катериной Ивановной, да правда и съ меньшенькой Марьей Ивановной тожъ давно, и съ Анной Ивановной тожъ, и съ Дмитріемъ Ивановичемъ — ну пусть вотъ съ Андреемъ Ивановичемъ и съ прочими, какъ вотъ и съ Марфой Ивановной видѣлись, не такъ давно то есть, а все порядочно времени будетъ; ну а у тѣхъ, то есть у старшихъ–то барышень (онъ ихъ все еще называлъ барышнями) и дѣтки пошли помаленьку, то есть свои, а я ихъ, сударыня, вѣдь и не видалъ, и не знаю ихъ въ глаза; такъ не будетъ ли милость ваша, написали бъ имъ всѣмъ по письму, кому что, то есть, надо знать, и насчетъ того, то есть, приписали–бъ, чтобъ они хорошо жили, по–людски да по–Божески, а что живы–здоровы тятенька и маменька, — я–

бъ и самъ, то есть, объ этомъ доложилъ и завѣрилъ бы во всемъ, и гостинца можетъ какого пошлете, а я бы и своего свезъ, да и по щеточкѣ сапожной и платяной разнесъ бы имъ, — а тамъ, коли–бъ далъ Богъ по здорову воротился, а вамъ бы то есть живой вѣсточки принесъ ото всѣхъ....»

Выдумка эта очень понравилась Аннѣ Ивановнѣ; она теперь жила со старикомъ Иваномъ Дмитріевичемъ и послѣднею дочерью, самъ–третей, и потому легко могла обойтись на нѣсколько времени безъ Астафьева; гнѣздо, противъ прежняго, опустѣло, а круговое путешествіе близкаго человѣка, односемьянина, ко всѣмъ милымъ ея, и возвращеніе его съ разсказами домой — это какъ–то чрезвычайно утѣшало ее и будто сближало между собою всѣхъ, раскинутыхъ по тремъ губерніямъ, членовъ ея семейства. Иванъ Дмитріевичъ соглашался на все, что положено и опредѣлено было въ семейномъ совѣтѣ, въ которомъ жена его и Астафьевъ были непремѣнными членами, а самъ онъ не постоянно присутствующимъ

предсѣдателемъ. Подумавъ и разсмѣявшись, онъ махнулъ рукой и сказалъ: ну, и съ Богомъ, коли самъ напрашиваешься, хочешь провѣтриться, такъ ступай! Но выслушавъ еще другое предположеніе Астафьева, которое родилось въ старикѣ по спопутности съ первымъ, Иванъ Дмитріевичъ убѣдилъ его отказаться отъ него, доказавъ Дмитричу, что это не удобно: Дмитричъ думалъ было, нельзя ли будетъ ему также зайти — благо онъ на ногахъ — домой, то есть на родину, и узнать что тамъ дѣлается.... а между тѣмъ корпусъ стоялъ въ южной Россіи, а Астафьевъ былъ Костромичъ!

Путешествіе окончено было ко всеобщему удовольствію и утѣшенію родителей, дѣтей и въ особенности самого Астафьева. Розсказнямъ о похожденіяхъ разнаго рода и о житьѣ–бытьѣ того и другаго, и третьяго, не было конца. Дмитричъ принесъ съ собою, между прочимъ, подробныя свѣдѣнія о томъ, кто изъ замужнихъ дочерей какъ живетъ съ мужемъ, то есть хорошо ли, плохо ли, и

почему; но вообще извѣстія были довольно утѣшительны. Одну только вторую дочь пришлось ему разбирать въ какой–то ссорѣ съ мужемъ; но и тутъ, какъ Дмитричъ увѣрялъ по крайней мѣрѣ, онъ успѣлъ окончить дѣло миролюбиво, вразумивши супруговъ своими отеческими наставленіями.

Съ этого времени Астафьевъ отправлялся ежегодно по одному разу въ этотъ путь, въ обходъ по всѣмъ членамъ бывшаго семейства Подалякринскаго, разносилъ письма и гостинцы и приносилъ отвѣты, устныя пожеланія и поклоны. Дня своего отправленія ждалъ онъ всегда какъ праздника, служилъ наканунѣ молебенъ, и никогда не забывалъ при этомъ утѣшать себя еще и тою надеждою, что вотъ онъ такимъ образомъ пойдетъ когда нибудь и зайдетъ также домой, въ свою губернію.

Иванъ Дмитріевичъ съ Анной Ивановной состарѣлись, Астафьевъ посѣдѣлъ какъ лунь, но былъ все тотъ же, только скучалъ иногда при своемъ одиночествѣ, потому что въ домѣ сдѣлалось тихо и пусто: изъ десяти

дѣтей, со включеніемъ свояченицъ, осталась одна только, младшая дочь; Иванъ Дмитріевичъ, какъ выражалась Анна Ивановна, шатался весь день по должности, а вечеромъ постоянно отправлялся на бостончикъ; сама Анна Ивановна охотно уходила по слѣдамъ его, если онъ былъ не въ холостомъ обществѣ, или просиживала вечерокъ у одной изъ сослуживокъ своихъ; словомъ, домъ опустѣлъ. Между тѣмъ годы шли за годами и Астафьевъ выслужилъ свои 25 лѣтъ, со времени вступленія въ должность деньщика къ штабъ–лекарю; — прежніе годы службы его, по случаю штрафа, не считались — и вотъ, сталъ онъ ожидать со дня на день своей чистой отставки, размышляя, что онъ станетъ съ нею дѣлать.

Разсуждая объ этомъ обстоятельствѣ, Астафьеву казалось, что отставка его еще далеко впереди и выйдетъ не скоро — такъ привыкъ онъ къ нынѣшнему своему положенію, — да кромѣ того, онъ спрашивалъ у добрыхъ людей: куда и зачѣмъ ему теперь идти домой послѣ

тридцати лѣтъ отсутствія, ему, безродному и безплеменному старику, у котораго и хозяйка–то давно уже померла, и на всемъ свѣтѣ не осталось родныхъ никого, кромѣ Ивана Дмитріевича съ Анной Ивановной да дѣтокъ ихъ? Коли станутъ они меня старика кормить, говорилъ онъ, то пусть и похоронятъ; ужъ не сколько жъ мнѣ еще осталось доживать на свѣтѣ, не чужой вѣкъ заѣдать. Но когда Астафьеву выданъ былъ наконецъ паспортъ на всѣ четыре стороны, когда человѣка три сослуживцевъ его, получивъ также отставку, стали собираться въ путь, и наконецъ, прощаясь со всѣмъ полкомъ, зашли проститься и съ Дмитричемъ, и попрощавшись пошли себѣ съ посохами и котомками по широкой дорогѣ, а Дмитричъ стоялъ за воротами и глядѣлъ за ними вслѣдъ, тогда вдругъ на старика напала такая грусть, такая тоска, что онъ бродилъ какъ шальной, не зная куда дѣваться. Баринъ и барыня допытывались, полагая, что ему нездоровится; — онъ отнѣкивался и молчалъ, и все еще перемогался и

крѣпился. Наконецъ однако же у него не хватило силъ и его застали однажды въ расплохъ, въ темномъ чуланчикѣ, куда онъ забился отъ людей: сидѣлъ онъ и плакалъ какъ ребенокъ, горькими слезами. Долго Анна Ивановна не могла добиться толку, для чего Дмитричъ забился туда, между кулья, старыхъ колесъ, и щетокъ собственнаго издѣлія, да еще сверхъ того, сидитъ и плачетъ. Наконецъ Иванъ Дмитріевичъ разобралъ дѣло и сказалъ, что это–де болѣзнь Nostalgia, которой, напримѣръ, вовсе не знаютъ ярославцы, привыкшіе смолоду шататься по всему свѣту, между тѣмъ какъ сосѣди ихъ, костромичи, а еще болѣе вятичи, нерѣдко сильно тоскуютъ по своей родинѣ. Да, въ старикѣ спорили два чувства, которыхъ онъ не умѣлъ, ни согласовать и примирить, ни подавить: тоска по родинѣ и привязанность къ своимъ господамъ; вѣдь младшая дочь не была еще пристроена, какъ же ему было оставить ее? На кого же я ее сердечную покину? говорилъ онъ вздыхая, не подумавъ о томъ, что говоритъ это родному

отцу ея и матери, которые остаются при ней... Онъ кормилъ ее соской, кормилъ потомъ и ложкой, онъ стиралъ на нее пеленки, а теперь было ей уже 15 или 16 лѣтъ, — какъ же ему объ ней не позаботиться?

Наконецъ, послѣ долгихъ толковъ, порѣшили и уладили дѣло: пришла весна, пришло и время, когда Астафьевъ пускался съ письмами и гостинцами въ путь, въ обходъ по тремъ губерніямъ, и потянуло его на просторъ, какъ журавля къ отлету. Онъ увѣрялъ, удивляясь самъ тому, что у него и сердце бьется и даже икры и подошвы сводитъ, потому что засидѣлся. И такъ рѣшено было, чтобы Дмитричу и теперь обойти, въ послѣдній разъ, урочный кругъ свой, по всѣмъ воспитанникамъ и воскормленицамъ, проститься съ каждымъ изъ нихъ, а тамъ, перекрестясь, зайти по пути домой, — то есть, на пути изъ Подольской губерніи въ Волынскую и Кіевскую, зайти въ Костромскую. Давнишняя, завѣтная мысль его приходила въ исполненіе; а когда на него находило

порою раскаяніе, то онъ утѣшалъ и себя, и Анну Ивановну тѣмъ, что если ему только не покажется дома, то ему всегда вольно воротиться; что мнѣ теперь, говорилъ онъ, я теперь вольный казакъ; куда захотѣлъ, туда и пошелъ.

Передъ отправленіемъ своимъ въ путь, Астафьевъ пришелъ еще къ барину съ объясненіемъ особаго рода: онъ отдалъ ему отчетъ въ томъ, сколько накопилъ своихъ деньжонокъ въ 30 лѣтъ, чтобы вамъ сударь было извѣстно, говорилъ онъ, что я уношу изъ вашего дома; безъ этого уходить негодится. Подалякринскій принудилъ старика принять еще хотя и небольшую прибавку; они обнялись, и Дмитричъ, заплакавъ, поцѣловалъ ручку барыни и барышни, и наказавъ еще послѣдней, на прощанье, уважать тятеньку и маменьку, ходить около себя почище, чиниться, не обнашиваясь до послѣдняго, а впрочемь во всемъ полагаться на волю Господню, — пустился въ путь. На улицѣ онъ еще разъ остановился, поправилъ котомку, снялъ фуражку, перекрестился — и пошелъ.

Была уже поздняя осень, когда отставной служивый, въ солдатской шинели безъ погоновъ, подходилъ къ небольшому селенію, въ Костромской губерніи. Онъ почасту останавливался, осматривался кругомъ и съ трудомъ только признавалъ мѣстами знакомыя урочища, но за то каждый разъ при этомъ на смугломъ, лубяномъ лицѣ его появлялась топорная улыбка, сѣрые глаза оживлялись и зорко выглядывали изъ подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей. Церкви не было въ селеніи; но когда показались на пригоркѣ кресты кладбища, то сутулый старикъ снялъ шапку и обнажилъ поросшую густыми, бѣлыми волосами голову, похожую на щетку своего издѣлія. Онъ положилъ три земныхъ поклона, прослезился и бормоча про себя находу, поминалъ многихъ изъ лежавшихъ на кладбищѣ этомъ, поименно. Поднявшись на послѣдній взлобокъ, онъ опять остановился и подперся посохомъ: деревенька вся лежала передъ нимъ; можно было разсмотрѣть каждый дворъ и домъ.

Онъ опять перекрестился и стоялъ безъ шапки, глядя прямо на селеніе.

Пятдесятъ три — сказалъ онъ наконецъ — да, дворовъ десятка два поприбавилось; и у барина усадебка обстроена получше: видно молодой — должно быть что теперь правитъ молодой — хозяинъ хорошій. А моей избы и не узнаешь, хоть не ищи! И съ этого края избы выросли, и съ того края выросли — вонъ, поди, до самаго оврагу! — Вотъ каково тридцать годовъ слишкомъ дома небывать — и не маленькій вышелъ отсюда, хозяйку покинулъ, царство ей небесное, а теперь — на своемъ пепелищѣ заплутаешься, ей Богу!

А что, продолжалъ онъ про себя, есть ли кто на деревнѣ ктобы узналъ меня? Наврядъ ли. Попытаемся!

Онъ спустился съ пригорка и пошелъ медленными шагами вдоль по улицѣ, разсматривая направо и налѣво всякую избу и вглядываясь зорко въ каждаго прохожаго. Перваго встрѣтилъ онъ пожилаго мужика, который, видя что

отставной служивый остановился и смотритъ ему въ глаза, — поклонился, проговорилъ: здраствуй дѣдушка, и пошелъ своимъ путемъ. Дальше встрѣтилъ Астафьевъ дѣвку, — и та поклонилась молча, и поднявъ прутъ, пошла встрѣчать стадо. Старикъ оглянулся: пыль подымалась столбомъ по гребню пригорка, съ котораго онъ самъ только что спустился; ревъ коровъ раздавался издали — и изъ воротъ каждой избы стали показываться старушки, дѣвки, старики или дѣти, готовясь встрѣтить и загнать свою пестравушку, чернавушку или буренушку.

Дмитричъ отошелъ къ сторонкѣ, сталъ и вглядывался молча въ каждаго изъ проходящихъ, надѣясь увидѣть хоть одно знакомое лицо; но старые и молодые встрѣтили скотъ свой и загнали его домой, проходя туда и сюда мимо старика, — а онъ стоялъ одинокъ и неузнанъ, какъ на чужбинѣ. Пыль начинала улегаться по опустѣвшей улицѣ; пастухъ, сдавъ съ рукъ, на нынѣшній день, товаръ свой, отправился на покой въ чередную избу, которая

должна сегодня накормить и пріютить его; въ дворахъ тутъ и тамъ слышались только голоса бабъ, бесѣдующихъ съ коровами своими или съ ребятишками, а у Дмитрича что–то подступило подъ сердце, его одолѣла тоска. Онъ присѣлъ на заваленку.

Немного погодя, окно надъ головою старика растворилось и тамъ показалась также голова, плѣшивая, отъ бровей до затылка, съ бѣлокудрыми висками. «Что, служба, спросилъ старикъ, аль проходомъ?» — А какъ Богъ пошлетъ, отвѣчалъ Дмитричъ, снявъ фуражку, кивнувъ головой и накрывшись опять, — коли кто зазоветъ старика, такъ заночуемъ, а нѣть, такъ пожалуй и мимо. — «Просимъ милости, сказалъ первый, кланяясь, и на печь посадимъ и толоконцемъ угостимъ. Чѣмъ Богъ послалъ. А вы домой идете?» — Домой — благодарствуемъ на добромъ словѣ. — «А далече?» — Оно, въ старину бывало и не далече, а теперь не знаю какъ и сказать: ино и скажешь, да не повѣрятъ. «Что такъ?» — Да вотъ такъ: эта изба чья теперь, вонъ, гдѣ супротивъ воротъ корова

телка лежитъ? «Эта — да нашего мужика!» — А какъ, то есть прозывается этотъ мужикъ вашъ?

«А прозывается онъ Бобренкомъ» — А! Бобренкомъ, повториль Дмитричъ, а чья изба была тутъ до него? — «До него — да вѣдь ужъ онъ давно и предавно тутъ». — Нужды нѣтъ, что давно, знаемъ и мы счетъ годамъ, да чья была она? «Да тутъ жилъ хозяиномъ, почитай, что ровня мнѣ былъ по годамъ, однолѣтокъ мнѣ, то есть, мужичокъ нашъ, да ужъ гдѣ та пора, давно предавно, — на службу ушелъ, сданъ былъ въ некрутство».... Въ это время голова старухи высунулась изъ другаго окна; поглядѣвъ не много на странника, съ которымъ хозяинъ ея бесѣдовалъ, и слышавъ все что было говорено, старушка вступилась за своего старика, который, какъ ей казалось, не умѣлъ толкомъ сговорить съ прохожимъ, и продолжала: — Нѣтути его, батюшка, того мужичка давно ужъ на свѣтѣ нѣтути, въ солдаты ушелъ да турки изъ пушки его убили!

А типунъ тебѣ на языкъ, да коза въ огородъ!! закричалъ окрысившись Дмитричъ и всталъ вытянувшись такъ, что и горба его не стало видно. — Крестьянина того звали Астафьевымъ, Васильемъ, продолжалъ онъ, глядя на крестящуюся отъ изумленія старуху, — а теперь вотъ дослужился, что чествуютъ его Дмитричемъ, а вотъ онъ живъ, передъ вами!

Старикъ со старухой, образумившись, кинулись на улицу, принимать дорогаго гостя: оба они помнили еще хорошо Астафьева, что нынѣ Дмитричъ, но нечаяли съ нимъ свидѣться. Аханьямъ, удивленіямъ и извиненіямъ не было конца. — Батюшка, отвѣчала старуха, когда Дмитричъ, сталъ ей пенять, что она хотѣла уморить его — батюшка, ну прости меня грѣшную, что съ велика бабья ума молвила: люди такъ говорили, что чай давно пропалъ онъ, легко–ли дѣло что время–мѣста ушло — ну и я грѣшная за ними; ты прости меня; отъ слова не сбудется!

Вечеромъ, когда вѣсть о приходѣ Дмитрича прошла по деревенькѣ, еще пять–шесть стариковъ и старухъ собрались посмотрѣть на выходца съ того свѣта, привѣтствовали его и обнимали; болѣе не зналъ его на селѣ никто, въ 32 года выросло новое поколѣніе! Долѣе всѣхъ бесѣдовалъ Дмитричъ съ Авдотьей, одинокой вдовой почти однихъ съ нимъ лѣтъ, которая закрыла глаза хозяйкѣ его и пересказывала всѣ подробности ея кончины, будто это случилось вчера, хоть тому прошло 27 лѣтъ.

На другое утро Дмитричъ почистился, пооправился и пошелъ явиться къ молодому помѣщику, сыну того, котораго Астафьевъ, уходя на службу, оставилъ еще холостымъ. Поздоровавшись, старикъ подалъ помѣщику письмо отъ своего штабъ–лекаря, въ которомъ этотъ свидѣтельствовалъ въ самыхъ задушевныхъ выраженіяхъ, все что умѣлъ высказать добраго и хорошаго объ Астафьевѣ. Помѣщикъ принялъ старика ласково, приглашая его нетолько остаться на родинѣ

своей, но обѣщая даже ему и пособіе во уваженіе прекраснаго объ немъ отзыва. — Мнѣ большаго не надо, ваше благородіе, отвѣчалъ Дмитричъ кланяясь, я помаленьку, дастъ Богъ, какъ нибудь ломоть хлѣба себѣ промыслю, по подоконью не пойду; а ужъ коли будетъ такая милость ваша, то позвольте мнѣ поставить кельенку на вашей землицѣ, на это достатку хватитъ у меня — я приму кого нибудь къ себѣ, — а помру, все его да ваше будетъ....

Помѣщикъ съ удовольствіемъ на просьбу эту согласился и Дмитричъ купилъ срубъ, поставилъ и отдѣлалъ его и въ ту же зиму перебрался. Онъ все еще не говорилъ ни слова о томъ, кого онъ думаетъ принять къ себѣ, но напередъ устраивалъ маленькое хозяйство свое самъ и привелъ его въ такой порядокъ, что помѣщикъ съ молодой женой не разъ заходили къ нему любоваться этимъ. — Что жъ, сказалъ однажды баринъ, присѣвъ на лавку въ бѣлой избѣ Дмитрича, — вѣдь тебѣ старику одному и

тяжело будетъ, и скучно; не по высмотрѣлъ ли ты себѣ кого?

Дмитричъ подперъ щетинистую бороду рукой, уставилъ сѣрые глаза свои въ подлавочье и вздохнувъ сказалъ наконецъ: — Скучно старику одному, сударь, разумѣется, что скучно: и домой пришелъ, да словно на чужбину — все чужіе! Старики вымерли, насъ не дождались; молодые народились, насъ не спросились! А была бы милость ваша, такъ и я бы на старости лѣтъ людей насмѣшилъ.... «Ну, что же, говори Дмитричъ, жениться, что ли? Любую дѣвку бери», сказалъ разсмѣявшись баринъ. — Нѣтъ, продолжалъ тотъ, почесывая затылокъ, куда намъ.... дѣвка–то на нашего брата и смотрѣть не станетъ — да ужъ и намъ, признаться, не до нея.... а вотъ, думалось бы то есть такъ, не пойдетъ ли за меня старика, коли милость ваша будетъ, Авдотья, вотъ она бы дружка была мнѣ, то есть ровня; мы почитай погодки, она одинокая, сердечная осиротѣла кругомъ, стали бы мы съ нею жить вмѣстѣ — и

поохали–бъ дружно и на печку бы дружно — такъ и положили–бъ, что будто Богъ свелъ!

Помѣщикъ тотчасъ же самъ пошелъ сватать старуху Авдотью за Астафьева. Она жила въ людяхъ, въ родѣ работницы и нахлѣбницы, и конечно уже не расчитывала зажить когда нибудь снова своимъ домкомъ, а и того менѣе попасть въ невѣсты. Сперва думала она, что баринъ шутитъ надъ нею, но потомъ, понявъ что рѣчь идетъ о дѣлѣ, и разсудивъ, что они оба круглые сироты, одинокіе вдовцы, что она притомъ была ближе всѣхъ къ покойницѣ женѣ Астафьева и ходила за нею и закрыла ей глаза — Авдотья поклонилась барину низехонько и сказала: что–жъ, коли вправду — такъ ваша барская воля: станемъ вмѣстѣ съ Дмитричемъ Богу молиться, да другъ за другомъ ходить....

И свадьба Дмитрича съ Авдотьей состоялась. Забавно и грустно было смотрѣть на старика, который будто ожилъ и помолодѣлъ, на седьмомъ десяткѣ, желая наверстать при концѣ жизни своей то, что

обстоятельства заставили его утратить во время силы своей цвѣту. Вся свадьба, по настоянію самого Дмитрича и къ большому утѣшенію всей деревни, сыграна была по всѣмъ строгимъ обычаямъ и принятымъ обрядамъ, при чемъ было столько шуму, крику и смѣху, какъ давно никто не могъ запомнить. Нѣсколько разъ дѣвки собирались даже причитать и оплакивать дѣвичью красу Авдотьи, которая сердилась и кричала на нихъ и съ трудомъ могла только угомонить ихъ тѣмъ, что по вдовѣ причетовъ такихъ не водится; самъ же Дмитричъ, напротивъ, подстрекалъ расшалившихся дѣвокъ, увѣряя, что въ другихъ земляхъ причитаютъ одинаково и по вдовѣ, и что надо ввести обычай этотъ и въ Костромской губерніи.

Старички прожили спокойно зиму, настала и весна. Какъ только солнышко начало пригрѣвать землю, то они сидѣли оба рядкомъ на заваленкѣ, подославъ себѣ въ ноги соломки, привѣтливо кланялись прохожимъ и бесѣдовали другъ съ другомъ. Дмитричъ глохъ по маленьку и становился

уже довольно тугъ на–ухо; Авдотья слѣпла и давно уже не могла сама вдѣть нитку въ иглу; но они, не разлучаясь почти вовесь день и помогая другъ другу во всѣхъ работахъ и занятіяхъ, дополняли и замѣщали одинъ другому взаимно недостатокъ зрѣнія и слуха. Она передавала ему, если онъ недослышалъ, что другіе говорили, а онъ за то указывалъ или разсказывалъ ей то, чего она не могла разсмотрѣть, — и оба были довольны: ему казалось, что онъ по прежнему чутокъ, прислушиваясь ухомъ Авдотьи, а она увѣряла, что видитъ все то, о чемъ толковалъ ей Дмитричъ. Это, впрочемъ, нерѣдко подавало поводъ къ забавнымъ недоразумѣніямъ. — Никакъ, Дмитричъ, это съ поля коровушки — говорила Авдотья, глядя старику вопросительно въ глаза, — а Дмитричъ, проведя рукою по подбородку своему, отвѣчалъ: бородушка — бородушку поскребемъ вотъ въ субботу, къ празднику. Старички жили мирно, кротко и неразлучно, просиживая все свободное отъ работъ время рядкомъ, другъ подлѣ друга

на заваленкѣ: тутъ бесѣда ихъ ограничивалась обыкновенно тѣмъ, что Дмитричъ разсказывалъ о томъ, что онъ видѣлъ, а Авдотья объясняла ему все, что слышала: изъ чего и слѣдуетъ, что источникъ бесѣды этой былъ неизсякаемъ.

Разъ они сидѣли такимъ образомъ и грѣлись на солнцѣ: оба они видимо дряхлѣли и тупѣли. «Вотъ говорилъ Дмитричъ, вишь, вотъ съ поля идетъ — здорово Степушка — идетъ крестникъ твой, Степанъ, — много накосилъ, Степа? Ась? — » Немного, говоритъ, сломилъ косу, повторила Авдотья вслѣдъ за крестникомъ, и продолжала: А вотъ, Дмитричъ, слышишь: овечки на стойлѣ, на водопоѣ кричатъ — и далече, да слышно!...

Но Дмитричъ, поддакивая по одной только привычкѣ, на этотъ разъ не слышалъ даже и того, что говорила ему Авдотья, потому что у него въ головѣ было другое; онъ, задумавшись, долго глядѣлъ вслѣдъ за Степаномъ и наконецъ, посидѣвъ молча, вздохнулъ, и сказалъ: «А что, Авдотьюшка, вѣдь намъ не подъ–силу и съ

маленькимъ–то хозяйствомъ справиться; вѣдь ужъ наша пора миновалась... и баринъ то жъ, вѣдь онъ правду говоритъ, что надо намъ принять кого въ домъ: вѣдь ужъ мы съ тобой, то есть вдвоемъ чай своихъ дѣтокъ не наживемъ.... ась! что ты, Авдотьюшка, думаешь? Крестникъ твой, Степа, кажись парень смирный, да онъ же одинокій сирота, — вотъ все равно, что и мы съ тобой, — не принять ли намъ его? Онъ попѣстуетъ насъ, а тамъ и похоронитъ, и вотъ избу съ хозяйствомъ ему покинемъ, все одно, то есть, что сыну; а то вѣдь помремъ, и пожалѣть–то насъ съ тобой некому будетъ!...

Авдотья вообще соглашалась на все, чего Дмитричу хотѣлось; но здѣсь, изъ всѣхъ приведенныхъ имъ причинъ, послѣдняя показалась ей всего убѣдительнѣе, то есть, что не кому будетъ надъ ними поплакать. Притомъ крестника своего, Степана, старуха любила и часто жалѣла объ немъ, что живетъ–де онъ въ чужихъ людяхъ, да и у людей–то несовсѣмъ добрыхъ, и что ему, бѣдному

сиротѣ, тяжело. И такъ, на другой же день Степа принесъ подъ мышкой кой–какое отрепье свое, помолился передъ образомъ, а помолившись, поклонился въ ноги названному отцу и крестной матери и остался навсегда у нихъ въ домѣ. Онъ точно былъ парень смирный, въ общемъ и частномъ значенiи этого слова, то есть, и безотвѣтенъ, и простенекъ, но впрочемъ работящъ какъ волъ. Къ этому привыкъ онъ смолоду, какъ сирота, проживавшiй то тутъ, то тамъ, всегда на чужихъ хлѣбахъ.

Дмитричъ съ Авдотьей положили на прiемыша своего все хозяйство внѣ дома, а сами ходили только около избы да очага, заботливо присматривая за всѣмъ. Степанъ былъ работникъ ретивый, когда его заставляли работать и смотрѣли за тѣмъ, чтобы онъ дѣлалъ дѣло съ толкомъ, и потому у нихъ все шло хорошо. Старички поуспокоились и начинали отдыхать отъ прежнихъ трудовъ и заботъ; Дмитричъ теръ табакъ — это было любимымъ его занятiемъ, — изрѣдка связывалъ пару щетокъ и отправлялся съ ними къ барину

на поклонъ; Авдотья сучила тоненькія восковыя свѣчи, коли ей удавалось добыть гдѣ нибудь кусочекъ вощечку, и разносила ихъ по обѣту, къ той, либо другой иконѣ, изъ числа бывшихъ на селѣ у крестьянъ. Остальное время, сидѣли они вмѣстѣ дружно на заваленкѣ и бесѣдовали, то о томъ, чего Дмитричъ не слышитъ, то о томъ, чего Авдотья не видитъ.

Однажды Авдотья также ссучила небольшую свѣчку и пошла съ нею къ барынѣ, поклонилась и просила позволенія поставить ее передъ иконой Параскевіи–Пятницы, которой она это давно уже обѣщала, но долго не могла добыть вощечку. — Гдѣ же ты у меня видѣла, матушка образъ этотъ? спросила барыня, — у меня такого нѣтъ. «А какъ же, матушка, въ большомъ–то покоѣ у васъ, отвѣчала старуха, вѣдь я помню, даромъ что теперь слѣпая, хорошій такой, большой, въ окладѣ–то!» — Да это — продолжала барыня — это образъ Архангела Михаила! «Ну, подхватила та, вотъ ему–то я и обѣщалась, матушка, право–ей Богу, онъ–

то и есть самый; такъ ужъ позвольте, коли милость ваша будетъ....»

Барыня съ удовольствіемъ согласилась на желаніе Авдотьи, которая усердно молившись, доколѣ свѣча ея не сгорѣла до конца, воротилась домой успокоенная и предовольная; она присѣла рядкомъ со старикомъ своимъ на завалинку. «Дмитричъ! сказала она, ты меня послушай: вотъ я молилась, все вишь молюсь, да и вижу, что святая–то угодница манитъ меня къ себѣ; я вотъ будто и упала передъ нею — а тутъ вотъ ровно я какой свѣтъ увидѣла; такъ я помолилась и встала».... — Ну что–жъ, сказалъ Дмитричъ, не дослышавъ и половины, это хорошо Авдотья, молись! —«Хорошо мой родимой, да видно мнѣ ужъ скоро умереть; видно господь приберетъ меня скоро!» — Что такъ Авдотья? про это никто не знаетъ, всѣ тамъ будемъ, кому когда достанется; этого не минуешь. — «Такъ, Дмитричъ ты мой, да вотъ крестника–то жаль покинуть, надо его хоть женить; тогда, пусть живутъ

себѣ съ Богомъ, что при насъ, то безъ насъ».

— Что дѣло, то дѣло, проворчалъ Дмитричъ, женимъ его, такъ у насъ съ тобой и дѣтки будутъ. И то правда. А на комъ? — Старики принялись пересчитывать всѣхъ дѣвокъ на селѣ и долго не могли ни на одной остановиться: изъ–зажиточнаго дома не пойдетъ за бѣдняка; изъ бѣдныхъ — тяжело будеть самимъ содержать хозяйство, та хила, та ославилась, у той, слышно, есть уже женихъ на примѣтѣ — словомъ старики стали въ тупикъ. Дай спросимъ у Степы, можетъ статься не задумалъ ли онъ самъ чего, нѣтъ ли у него кого на умѣ.... Но оказалось, что Степа не прочь былъ отъ женитьбы, хоть онъ очень стыдился этого и потому закрывался шапкой, въ которую напередъ засунулъ оба кулака; — указать же на предметъ страсти своей не могъ, а предоставлялъ выборъ невѣсты въ полной мѣрѣ и неограниченно своимъ старикамъ.

— Ну, сказалъ Дмитричъ, коли такъ, пойдемъ къ барину, да станемъ просить за

него Ѳіону; я сирота, ты сирота, онъ сирота, она сирота — вотъ мы четверо соберемся въ кучку, подъ одну крышу, да и заживемъ! — «Что ты, Дмитричъ, да это озорь дѣвка, сказала Авдотья». — Ну отвѣчалъ старикъ, козырь не козырь, а такъ, то есть живетъ... да что съ лица не воду пить, дѣвка здоровая? — «Да зла больно, продолжала старуха, вонъ и Прокофьевна ужъ ходила просить на нее къ барину — зелье, говорить, такое — не приведи Богъ!» — Жаловаться–то на сироту всякъ гораздъ, сказалъ Дмитричъ, а спроси–ко, ей–то каково? Вѣдь она у насъ не начальницей какой будетъ, не командиршей, а чай все изъ нашихъ же рукъ глядѣть станетъ: мы сиротъ примемъ и насъ Господь не оставитъ. — Авдотья, богомольная и крайне жалостливая до сиротъ, согласилась: «Ну какъ знаешь, Дмитричъ, такъ и дѣлай, я отъ твоей воли не прочь».

Ѳіона точно была круглая сирота, безъ куска своего хлѣба, и потому безъ сомнѣнія заслуживала бы общаго участія и

сожалѣнія — но она ославилась злою дѣвкой и ее никто не хотѣлъ принимать къ себѣ въ домъ; по этому она принуждена была итти въ подпаски, и все еще оставалась при этой должности, хотя ей и было уже за двадцать лѣтъ. На все это старики наши не обратили сперва должнаго вниманія, по крайней–мѣрѣ Дмитричъ, не понимая, чтобы за добро можно было сдѣлать зло, отстаивалъ Ѳіону съ большою самоувѣренностію, и когда стали его предостерегать сторонніе люди, то онъ и ихъ также не хотѣлъ слушать, говоря, что она бѣдная сирота, въ загонѣ, и попавъ въ порядочную семью, за смирнаго человѣка, на готовое хозяйство, не попомнитъ добра зломъ, а ужъ конечно будетъ смирна, покорна и послушна; поучимъ ее, прибавилъ онъ, какъ опытный воспитатель, не подумавъ, что у него такихъ воспитанницъ въ рукахъ не бывало.

Дмитричъ надѣлъ свой сюртукъ, насыпалъ въ тавлинку свѣжаго табаку, будто собирался куда въ походъ, взялъ палку и пошелъ къ барину, который сидѣлъ

на крылцѣ и смотрѣлъ лошадей. — Здорово, Дмитричъ, что скажешь добраго? Не въ крестные ли отцы зазываешь? «Здравія желаю», отвѣчалъ онъ, мѣрно подступая, съ фуражкой въ рукахъ. — На крестины, что–ли зовешь, закричалъ баринъ погромче. Дмитричъ ухмыльнулся: «никакъ–нѣтъ, на свадьбу». — Какъ такъ? Да хотѣлось бы женить Степана, пришелъ къ вашему благородію за невѣстой». — Доброе дѣло — ну вотъ подожди до весны, я велю тебѣ привести хорошую невѣсту изъ Яруги. — «Много благодарны, да ждать–то намъ не приходится; хотѣлось бы пристроить при себѣ Степана.... Коли будетъ ваша милость, пожаловать Ѳіону....» — Ѳіону? да ее, братецъ, что–то всѣ обѣгаютъ, ни гдѣ она не уживается.... «Гдѣ–же сиротѣ ужиться, ее чай всякъ наровитъ обидѣть, извѣстное дѣло, мы и сами сироты, да коли сиротъ призримъ, то они уважатъ насъ и Бога умолятъ. Вотъ мы отъ Степана, нечего грѣшить, и слова худаго не слыхали! — «Ну какъ знаешь Дмитричъ, коли сами этого хотите, то съ

Богомъ. Можетъ статься ты и правъ и задумалъ доброе дѣло. Съ Богомъ.

На Ѳіонѣ были доселѣ одни только лохмотья, а путной лопатинки не бывало. Дмитричъ одѣлъ ее хорошо и чисто и самъ ею любовался; Ѳіонушка кланялась и благодарила, онъ ей читалъ наставленія — она слушала и молчала. Степана съ Ѳіоной обвѣнчали, старички повеселѣли; Дмитричъ былъ доволенъ, что пристроилъ двухъ сиротъ и самъ сдѣлался настоящимъ семьяниномъ; онъ уже готовился мысленно къ воспитанію внучатъ, припоминая какъ онъ ростилъ и кормилъ и пѣстовалъ, когда–то, и выняньчилъ осмерыхъ дѣтей сряду, не считая свояченицъ штабъ–лекаря, которыя были уже не такъ малы, и онъ напѣвалъ уже про себя, какъ тогда бывало: Вареная патока съ инбиремъ, варилъ ее дядя Семіонъ, Семіонъ....

Но не долго досталось старику утѣшать себя этими сладкими мечтами. Уже на третій или четвертый день по свадьбѣ, Ѳіона, разгнѣванная чѣмъ–то, молчала упорно весь день, отворачивалась отъ

всѣхъ, косилась на людей изъ–подъ–лобья, стучала посудой и бросала каждую вещь изъ рукъ, вмѣсто того, чтобы ее положить или поставить. Прошло дня два, среди затиши, и старики было успокоились; но за тѣмъ вдругъ въ душѣ или сердцѣ Ѳіоны поднялась такая страшная буря, что Дмитричъ съ Авдотьей просидѣли весь день за воротами, вздыхая, покачивая головой и поглядывая вверхъ, гдѣ крикъ, брань и проклятія раздавались съ самаго утра и до вечера, хотя Ѳіона была тамъ одна, потому что и Степа ушолъ отъ нея въ поле. Дмитричъ прислушивался по временамъ и спрашивалъ въ полголоса Авдотью: что она? — А старуха отвѣчала на это кивнувъ головой и махнувъ рукой, де–скать: пусть ее, молчи. Да что она кричитъ еще? спросилъ старикъ — и Авдотья повторила тотъ же знакъ, не смѣя даже и за воротами сказать громкаго слова, чтобы лютующая Ѳіона его не услыхала. Такъ старики просидѣли весь день до вечера, и — не обѣдали; Ѳіона не звала ихъ, потому что ничего не варила. Степанъ воротился съ

поля и, заглянувъ только въ избу, ушелъ отъ крику и присѣлъ молча къ старикамъ на заваленку. Поздно вечеромъ всѣ они улеглись, когда уже Ѳіонушка выбилась изъ силъ и уходилась.

Поправился бы, можетъ быть, въ прежнее время Дмитричъ съ этимъ чортомъ, не смотря на всегдашнее миролюбіе свое, но теперь была не та пора: онъ уже почти начиналъ впадать въ ребячество, до того онъ сталъ дряхлѣть. Знать пришла пора. Попытался было онъ прочитать названой сношенькѣ своей наставленіе, думалъ таки усовѣстить ее, но она отвѣчала ему однимъ крикомъ и бранью, а наконецъ ухватила два лучшихъ поливанныхъ горшка и грозилась тотчасъ же ударить ихъ объ земь, если онъ не замолчитъ: жаль стало Дмитричу горшковъ и онъ замолчалъ, проворчавъ только: горшки на что бить — горшки ни чѣмъ не виноваты.

Чрезъ нѣсколько дней опять пошло тоже: брань, крикъ и проклятія сыпались съ утра, на безотвѣтнаго мужа, на старика и

старуху. Дмитричъ вышелъ изъ терпѣнія, пошелъ съ жалобой къ барину, баринъ очень разсердился на Ѳіону и приказалъ міру разсудить ее: міръ высѣкъ ее розгами, а она пришедши съ крикомъ и ревомъ домой, столкнула мужа съ высокаго крыльца и повыкидала всѣ горшки изъ окна. Остальное время этого дня, она провыла въ избѣ голосомъ, при открытыхъ окнахъ. Сосѣди приходили было ее унимать, но она выпроваживала ихъ помеломъ.

Дмитричъ сталъ крѣпко призадумываться, ужъ и самъ незная что дѣлать, — а житья ему со старухой не было. Поздняя осень согнала ихъ съ любимой заваленки, они по неволѣ сидѣли на печи, откуда Авдотья не сходила уже нѣсколько дней, слабѣя и забываясь по временамъ; ухаживая за нею, Дмитричъ опять было нѣсколько ожилъ, прибодрился и получилъ какой–то небольшой, нравственный перевѣсъ въ домѣ, но это было не надолго: Авдотья скончалась, Дмитричъ прожилъ съ нею всего года два, но оплакивалъ ее

горько. Съ этого времени онъ не могъ уже найти дома никакого покоя, онъ бродилъ изъ угла въ уголъ, копался во дворѣ, садился за вороты — но все оглядывался по сторонамъ, будто тутъ кого не доставало, и не зналъ куда съ тоски дѣваться. Ѳіонушка бѣсновалась день за день и Дмитричу казалось, что онъ жилъ въ аду. Обѣдъ почти никогда не варился, а въ избу никому не было приступа.

Разъ утромъ, старикъ сидѣлъ на печи, ему хотѣлось поѣсть и была уже пора завтракать; Ѳіона не думала собирать на столъ, и бранилась вмѣсто того съ мужемъ. Степанъ молчалъ, старикъ вздыхалъ, а Ѳіона пуще выходила изъ себя, потому что ей не къ чему было придраться. Наконецъ, ставъ передъ Дмитричемъ, она осыпала его упреками и бранью, и притомъ съ такою злостью, что крича ему надъ ухомъ, почти вцѣпилась старику въ волосы.

Дмитричъ, будто проснулся ото сна: онъ поглядѣлъ на невѣстку, слѣзъ молча съ печи, вышелъ изъ избы — и больше нога его въ ней не бывала. Онъ пошелъ въ клѣть,

досталъ солдатскую шинелишку свою безъ погоновъ, надѣлъ ее сверхъ полушубка, обулся въ лучшіе сапоги, сверхъ теплыхъ подвертковъ, взялъ котомку, шапку, рукавицы и тотъ же посохъ, съ которымъ пришелъ нѣкогда домой, перекрестился нѣсколько разъ и спокойно пошелъ со двора. Кой–кто на деревнѣ видѣли его и посмотрѣли вслѣдъ за нимъ, не зная куда бы и за чѣмъ это Дмитричъ побрелъ; одна только баба слышала, что онъ ворчалъ про себя: «Богъ съ ней и съ избой, не видалъ я избы! На старое мѣсто пойду, въ полкъ, тамъ лучше».

Больше Дмитрича не видали, и куда онъ пошелъ и далеко ли дошелъ — никто не знаетъ. Но проходя мимо кладбища, на горкѣ, онъ зашелъ туда и, видно, молился на Авдотьиной могилѣ — это разсказывалъ послѣ свинопасъ.

В. ДАЛЬ